

отказано в статусе фиксированной структуры, не зависящей от материи и энергии, представленных в ней.

В чем сходятся практически все авторы, изучавший последний кантовский труд, так это в том, насколько поразительна была глубина проникновения мысли философа в проблемы науки, насколько широк был спектр его философских интересов, насколько упорно, вплоть до самой смерти, Кант пытался найти решение центральных научных проблем.

Данная статья предполагала собой попытку обозначить как основные направления философского исследования естественнонаучных проблем в «Переходе от метафизических начал естествознания к физике», так и взгляды, существующие относительно того, насколько удалось Канту решить первоначально поставленные задачи. Несомненно, предстоит еще огромная работа по исследованию и оценке последнего труда Канта, который, по нашему мнению, являлся грандиозной попыткой предоставить экспериментальной физике теоретическую и методологическую основу.

ДЖАСТИН ЭРИК СМИТ

(Колумбийский университет, Нью-Йорк)

**Трансцендентальный идеализм
и аналитическая философия языка с точек
зрения советской философии сталинского времени
и современного американского прагматизма**

В данной статье я намерен поразмышлять о советской философии сталинского времени. Это, разумеется, кажется сегодняшним русским читателям полностью ненужной задачей. Но это отнюдь не моя цель – *to flog a dead horse*, то есть сечь мертвую лошадь. Это английское выражение значит почти то же самое, что русское «как мертвому припарки», но в отличие от русского выражение *dead horses are flogged* не включает желаниа лечить, а несет оттенок злости. Наоборот, я хочу

пользоваться этой «мертвой лошадьё» для того, чтобы сечь другую, еще живую и даже очень здоровую лошадь – современный американский прагматизм.

Посредством сравнения с одним очень экстремальным историческим примером антиметафизического мышления я бы хотел разоблачить некоторые, по моему мнению, крайне отрицательные тенденции в актуальных разговорах в Америке о сущности и целях философии. Я сделаю вывод, что из догматизма схоластического типа и – на противоположной стороне – брюзгливого антифундаментализма типа Рорти кантовское отношение к метафизике, в котором можно верить во внеопытные принципы как регулятивные идеи, представляет лучшую альтернативу.

Под современным прагматизмом я понимаю не только философию Ричарда Рорти, но и философию любого мыслителя, который отказывается от фундаментальных вопросов в философии и который не считает эпистемологию – как попытку найти уверенное знание, которое могло бы обосновывать все другие области исследований – главной задачей, первым необходимым шагом нашей философской деятельности. Быть может, сегодняшний прагматизм оказывает влияние не столько как философская система, сколько как внефилософское отношение к философии вообще. Но это не значит, что он является совсем безвредным.

При холодной войне в Америке и Западной Европе появилось множество книг по теме советской философии. Например, Вильгельм Гердт излагал содержание статей, опубликованных в «Вопросах философии», в своей замечательной книге „*Fragen der Philosophie*“. На лучших философских факультетах Америки преподавались курсы по диалектическому материализму и т.д. Такого интереса на Западе сегодня нет. А это, по-моему, ошибка. Главной причиной полного отсутствия такого интереса является то мнение, что советская философия была на самом деле лишь псевдофилософией, что она была чистой идеологией, одетой в поверхностную философскую терминологию. Конечно, мы не должны воспринимать большую часть того, что читаем на страницах «Вопросов философии» периода между концом

Второй мировой войны и смертью Сталина, как философию. Мы не должны принимать серьезно ту идею, что Бертран Рассел был оруженосцем империализма, особенно когда этот эпитет появляется в связи с аргументом против его математической логики. Можно полагать, что любая философия, которая появилась бы на Западе в тот период, была бы описана в Советском Союзе как оружие западной политики, даже если бы никогда не было на Западе школы логического эмпиризма с его «семантическим идеализмом».

Все-таки я думаю, что в какой-то мере мы можем отделить философскую суть оценки западной аналитической философии при Сталине от идеологических целей, в которых она скрывается. Как я попытаюсь объяснить, та идея, что западные аналитические философы переложили вину за неуспех идеализма на язык, есть, по-моему, достаточно интересная идея. Тем более, что если иметь в виду актуальный метафилософский разговор среди прагматических мыслителей, эта идея была своего рода предвосхищением.

1. Предусмотрительность советской философии

В 1947 году М.Г. Ярошевский начинает свою статью «Проблема языка в освещении прислужников англо-американского империализма», опубликованную в *«Вопросах философии»*, таким образом:

Вокруг проблемы языка в современной английской и американской философии и психологии поднят невероятный шум. Деградирующая философская мысль Запада придумала модное лекарство для своего спасения.

Это лекарство, объясняет Ярошевский, было придумано новаторами так называемого «лингвистического поворота»:

Их книги и журналы наводены семантическими упражнениями, проектами лингвистических реформ, требованиями критики языка и воплями о тех бедствиях, которые якобы влечет за собой пользование нормальной

человеческой речью. Общий смысл всей этой шумихи состоит в том, чтобы скрыть истинные причины краха идеализма, *переложив вину на язык*¹.

Почти одинаковым образом Ричард Рорти пишет в своей работе 1979 года "*Philosophy and the Mirror of Nature*", которая недавно была переведена на русский как «*Философия в зеркале природы*»:

[T]he kind of philosophy which stems from Russell and Frege is... simply one more attempt to put philosophy in the position which Kant wished it to have- that of judging other areas of culture on the basis of its special knowledge of the «foundations» of these areas. «Analytic» philosophy is one more variant of Kantian philosophy, a variant marked principally by thinking of representation as linguistic rather than mental, and of philosophy of language rather than «transcendental critique.

То есть:

Тот вид философии, который происходит от Рассела и Фреге, является еще одной попыткой привести философию в то состояние, в котором ее хотел бы видеть Кант, в позицию, в которой она могла бы обсуждать другие области культуры на базе ее специального знания «основ» этих областей. «Аналитическая» философия является еще одной разновидностью кантовской философии, которая отличается принципиально тем, что она считает изображение скорее лингвистическим, чем умственным, и тем, что она занимается философией языка вместо того, чтобы заниматься «трансцендентальной критикой»².

¹ Ярошевский М.Г. Проблема языка в освещении прислужников англо-американского империализма // Вопросы философии. 1953. №2. С. 258.

² Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 8.

По мнению Рорти, понятие языка как *philosophia prima* ложно не потому, что какая-либо другая область философии является первой, а потому, что само понятие *philosophia prima* ложно. По Рорти, слово «философия» мы не должны понимать как название какой-то отдельной дисциплины, которая борется с вечными вопросами. Наоборот, философия – это жанр культуры, «голос в разговоре человечества».

Как известно, Декартом в истории философии осуществлен «эпистемологический поворот». По Рорти, с декартовским изобретением современного понятия ума открылась новая область исследований, которая должна была методологически предшествовать всем остальным областям философии. По Декарту, мы можем достичь априорной уверенности только в связи с внутренними состояниями. Коперниковская революция Канта состояла в том, что Кант превращал все внешнее пространство и время в нечто внутреннее. Мы можем знать с уверенностью только то, что мы знаем априорно; мы знаем априорно только то, что мы сами конституируем. Так что, если мы можем знать мир вообще, такое знание может быть объяснено только посредством априорных истин, принятие существования которых влечет за собой идеализм. Поскольку язык понимается после лингвистического поворота в аналитической философии как априорная схема, посредством которой мы воспринимаем мир, философия языка является, по Рорти, еще одним вариантом эпистемологического фундаментализма, и, таким образом, Рорти соглашается с советской оценкой философии языка как «семантического идеализма».

В принципе, марксизм должен был освободиться от той тенденции в философии, которую Рорти так резко критикует, тем, что он перестает искать априорные рамки для человеческого мышления. По Ленину, мы можем знать внешний мир так, как он есть, опираясь исключительно на психофизиологические возможности человеческого ума. В этом мнении Ленин пренебрегает всякими проблемами вали наблюдения, картезианского сомнения и т.д. Как он оправдывал бы свою уверенность в законах

диалектического материализма, если не принимать их за априорные истины, – другой, хоть и важный вопрос.

Эти две различнейших школы – советский марксизм и американский прагматизм – соглашаются по меньшей мере в том, что внимание западных немарксистских философов переключалось на язык в начале XX века в результате очевидной недостаточности «ясных и внятных» идей Декарта, чистого разума Канта или какого-нибудь другого выражения желания найти сверхопытные принципы, которые могли бы философски обосновывать наше мировоззрение. Тем более, с точек зрения и советского марксизма, и американского прагматизма это перемещение произошло в западной философии XX века более или менее подсознательно, поскольку в самопонимании аналитических философов цель аналитики была разорвать связи раз навсегда с кантовским, априористским фундаментализмом прошлого.

Науку семантики, в смысле науки о языке, которая абстрагируется от его реальной пользы (или, как формулируют аналитики, изучение семантики отдельно от прагматики), Сталин считал безнадежно идеалистической. По мнению Сталина, мышления без языка не может быть. Этот тезис был в первую очередь реакцией против «идеалистической семантики» сторонников и Марра, и структурализма, логического эмпиризма, и других западных теорий языка, которые, как пишет Сталин в *Марксизме и проблемах языкознания*, «имея неумеренную страсть к языку ... отделяют мышление от языка». Такое разделение, по Сталину, противоречит мнению Маркса о том, что «язык есть непосредственная реальность мышления». Сталин подразумевает, что только идеалисты могли бы говорить о мышлении отдельно от естественной материи – языка, о мышлении без языка. Кроме Марра, Сталин очень мало знал о теоретиках языка первой половины XX века. И все-таки вступление Сталина в «разговор» о языке с его процитированной выше книжкой произошло в значительной мере в результате критики Рассела, Уайтхеда, Карнапа, Дьюи и других на страницах *«Вопросов философии»* между 1947 и 1950 годами.

Бертран Рассел с точки зрения советской философии второй половины 40-х годов, был не только одним из главных семантических идеалистов, но и руководителем движения, главная цель которого заключалась в интеллектуальной борьбе с Советским Союзом:

... один из наиболее модных и влиятельных деятелей среди буржуазных реакционных философов, Рассел занимался всю свою жизнь чтением лекций, журналистикой, сочинением популярных брошюр и написал ряд «научных» книг, как то: «Принципы математики», «Анализ материи», «Очерк философии», «Мистицизм и логика», «История западной философии» и другие. Вся эта объемистая продукция устремлена к единой цели: в политике – к борьбе против Советского Союза, против английского рабочего класса, против освободительного движения колониальных народов; в философии – к борьбе против диалектического материализма, против подлинно материалистического, научного мировоззрения³.

Если мы вспомним главный тезис данной работы о том, что советская философия смотрела на аналитическую философию языка как на «переодетый» идеализм кантовского типа, не удивительно, что тон критики Канта в советской философии сталинского времени не очень отличается от тона критики Рассела. Например, Белецкий пишет в 1947 г. в разгромной статье против новой работы Александрова *«История западноевропейской философии»* (которая Сталину не понравилась):

Априоризм, трансцендентальный метод – все это служило Канту лишь способом для его «теоретических» построений, оправдывавших нерушимость прусского государства⁴.

³ Кольман Э. Бертран Рассел – оруженосец империализма // Вопросы философии. 1953. №2. С. 169.

⁴ Белецкий З.Я. Текст речи товарища Белецкого З.Я. // Вопросы философии. 1947. №1. С. 320.

Вместо того чтобы в точности излагать содержание системы трансцендентального идеализма, Белецкий просто не признает трансцендентальный идеализм философской системой вообще, настаивая на том, что он – прозрачно «переодетая» политически реакционная идеология:

Работы Канта «Критика чистого разума» и «Критика практического разума» – это работы не абстрактные, не оторванные от конкретной действительности. Это боевые, политические работы, в которых Кант теоретически обосновал необходимость существования пруссаческого государства, необходимость сохранения существующего порядка вещей... Философия Канта защищала немецкую реакцию против французской революции, она защищала идеализм против материализма, религию против науки⁵.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин описывает кантовскую философию как философию, колеблющуюся между идеализмом и материализмом. С одной стороны, она признает вещи в себе; с другой – она считает их непознаваемыми. Буржуазные критики Канта, по Ленину, хотели бы пренебречь вещами в себе вообще, тогда как материалисты критиковали Канта потому, что он ничего не знает о них. В этом колебании Ленин оценивает кантовскую философию как систему, главными характеристиками которой являются абстрактность и внутренняя противоречивость.

Существенной критики Канта нет в «Вопросах философии» сталинского времени. Тот образчик критики кантовской философии, который мы найдем на его страницах, очень напоминает о критике Рассела и его современников: все эти реакционные системы – расселовская семантика, как и кантовский идеализм, – выдают себя как идеализм в своем поиске оснований вне настоящего опыта, и особенно вне социальной реальности и всяких развивающихся в ней взаимоотношений с другими:

⁵ Там же. С. 321.

Кант в работе «Критика чистого разума» разрешает один основной вопрос – вопрос о том, может ли человек черпать свои идеи из объектов внешнего мира. И доказывает, что внешний мир не может явиться основой для возникновения идей, что идеи человек получает сверхопытным путем. Они возникают в результате чистой деятельности разума. Идеи, по мысли Канта, помогают человеку ориентироваться в целях и в принципах, положенных богом в основу мироздания. Все, что человек находит в жизни, все это, учит Кант, дано свыше, богом. Мы, люди, должны воспринимать жизнь такой, какой она дана от бога. Изменять что-либо в обществе, говорит Кант, мы не можем, не имеем права⁶.

Короче, в результате сталинского вклада в советскую философию ее представители стали по неведению товарищами позднего Витгенштейна, Дьюи и самого Рорти в их отношении к истории философии и в их сомнении в целях и причинах фундаменталистской метафизики. Рорти сам хотел бы распространять идею, что именно фундаменталистское мышление в философии, как и в социальной сфере, вызывает репрессивную политику. Тот факт, что понятия западной философии языка и трансцендентального идеализма при Сталине сходятся с понятиями Дамметта, Фреге и раннего Витгенштейна меньше, чем с понятиями Дьюи, Рорти и позднего Витгенштейна, свидетельствует против этого трюизма.

II. Анализ: кантовская альтернатива антиметафизической «философии»

Хотя я нахожу советский анализ западной философии XX века действительно предвидящим, как показано выше, я вообще не согласен с тем анализом, который советские философы сталинского времени делят с Рорти. В остальной части данной работы я хотел бы защитить кантовский подход к метафизике, который отличается от обоих антиметафизических движений XX века.

⁶ Там же.

Кант пишет в предисловии к первому изданию «Критики чистого разума», что

властвует в философии общее настроение усталости и равнодушия – являющегося во всех науках матерью Хаоса и Ночи, но, к счастью, в данном случае появляется также начало, или, по меньшей мере, предзнаменование их реформирования и восстановления... Но зря притворяться равнодушным в тех исследованиях, к объекту которых человеческая натура никогда не может и не будет равнодушной. Разумеется, эти притворные индифферентисты, насколько они действительно думают, неизбежно прибегают к тем самым метафизическим утверждениям, о которых они так открыто объявляют с пренебрежением⁷.

Можно определить догматизм как философию, в которой окончательные доказательства о существовании Бога, свободе души (то есть о существовании абсолютного метафизического субъекта) и бессмертии считаются если не уже достигнутыми, то принципиально достижимыми. Можно, с другой стороны, определить антифундаментализм как философию, в которой стремление доказать реальность Бога, свободы и бессмертия души считается тратой времени, оперированием пустыми понятиями. Кантовская «критика» отталкивается от обоих. Ошибка антиметафизического мышления, в кантовских терминах, – полагать, что недостижимость логической необходимости в доказательстве истины Бога, свободы или бессмертия души свидетельствует также о недостижимости *нравственной* необходимости по отношению к ним. По Канту, мы можем достичь нравственной необходимости в связи с метафизическими вопросами, и тем более, что без нее все, что остается, – это «материализм, фатализм, атеизм, неверие, свободомыслие, фанатизм и суеверие»⁸.

⁷ Кант. Критика чистого разума. А х. (Перевод наш.)

⁸ Кант. Критика чистого разума. В xxxv. (Перевод наш.)

Нравственная уверенность означает, что, хотя мы не отказываемся от метафизических понятий вообще, все-таки мы не должны искать доказательств, оправдывающих нашу веру. Мы никогда не сможем извлечь существование Бога из нашей концепции *ens realissimum*; мы никогда не сможем извлечь свободу души из различия между субъективной и объективной практическими необходимостями; и мы никогда не сможем извлечь бессмертие души, как старался Лейбниц, из ее простоты. Что касается первого, вера в мудрого и великого творца мира появляется, по Канту, лишь в результате порядка и красоты, везде являемых в природе. Далее, идея свободы зависит исключительно от нашего сознания должного. Наконец, Кант пишет, что мы верим в нашу будущую жизнь лишь потому, что наша натура не позволяет нам «быть удовлетворенными временным существованием». Так как догматики в самом деле не могут претендовать на высшую и более полную прозрачность в этих вопросах, кантовская критика требует от них, чтобы они ограничивали себя рамками «универсально понимаемых и для всех нравственных целей достаточных оснований доказательств»⁹.

Что касается нашего знания внешнего мира, в кантовской программе человек может избегать скептицизма посредством трансцендентализирования условий такого знания. Этот аспект кантовской программы, быть может, не достиг своей цели; сегодня вообще трудно поддерживать взгляд, что пространство и время являются лишь субъективными формами мышления. Все-таки, если кантовская философия сегодня не может быть принята полностью как *система*, было бы не вредно принимать кантовское отношение к философии вообще. Как написано в начале данной статьи, сам прагматизм – это не столько философская система, сколько внефилософское отношение к философии. Ввиду этого лучше противопоставить прагматизму не еще одну систему, а наоборот – разумную внесистемную интерпретацию сущности философии.

⁹ *Кант. Критика чистого разума. В xxxiii. (Перевод наш.)*

Кант пишет в «Прологоменах», отвечая на вопрос, возможна ли вообще метафизика, что мы не должны отвечать на этот вопрос «скептическими возражениями против известных утверждений какой-нибудь существующей метафизики (потому что мы не признаем никакой)». Наоборот, вопрос этот «должен быть разрешен из проблематического еще понятия такой науки»¹⁰. Даже если мы сегодня понимаем кантовскую систему как одну из этих существующих метафизик, от которых Кант сам бы отказался, все равно это не значит, что мы не должны следовать за Кантом относительно вопроса о будущей метафизике. Попытка ответить на вопрос, как же возможна метафизика, остается неизбежной, но и до сегодняшнего дня бесплодной задачей для всех философов. Соглашаясь с этим, можно сказать, что ошибка и советских философов, и американских прагматистов состоит в том, что они путают актуальное бесплодие с принципиальной ненужностью.

Австрийский писатель Роберт Музиль пишет в рассказе «Ворона»:

В их университетские годы эти два друга исповедовали материалистическую философию жизни, без бога или души, смотря на человека как на физиологическую или экономическую машину – которое и может на самом деле быть истинно, хотя вопрос истины не был сутью дел с их точки зрения, так как привлекательность такой философии состоит не в ее внутренней истине, а в ее дьявольском, пессимистичном, болезненно интеллектуальном характере.

Можно было бы сказать, только наполовину шутливо, что в этих словах Музиль также находит причину всех разновидностей антиметафизического мышления XX века, включая и советский материализм, и современный американский прагматизм.

¹⁰ Кант. Прологомены / Пер. Соловьева. М., 1882. С. 35-36.